

Документы 1937-1938 гг. (переписка органов НКВД) о передаче детей Векслиных на попечение родственникам; воспоминание дочери Векслиных Галины о пережитом

(выявление арх. док. в ГА РТ и подготовка к публикации А.Ф. Степанова , г. Казань).

№ 1

Предписание АХУ НКВД СССР изъять детей Векслиных у опекуна и передать другим родственникам

30 декабря 1937 г.

СЕКРЕТНО

НАРКОМУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТАТАРСКОЙ АССР
КАПИТАНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

тов. МИХАЙЛОВУ

На В/№ 5/741

Переданных на опеку гр. ТАРАСОВУ Б.Д. детей репрессированных родителей ВЕКСЛИНЫХ Галину и Илью необходимо изъять у опекуна и передать другим родственникам, на которых отсутствуют компрометирующие материалы. В случае отсутствия таковых просим сообщить нам для получения наряда на помещение детей в детдом.

НАЧАЛЬНИК АДМИНХОЗУПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
СТАРШИЙ МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ *<Попашенко>* (ПОПАШЕНКО)
№ 1302228

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 11. Машинопись на бланке АХУ НКВД СССР. Штамп НКВД ТР «». Пометы: «т.Чечельницкому. Михайлов, 4/1-38»; «т.Федоровичу. К исполнению. А.Чечельницкий, 5/1-38»; «т.Орадовскому. Срочно выявить есть ли родственники коим лично сдать детей. Если нет немедленно сообщить Москве на получение наряда, Федорович»)

№ 3

Информация об опекуне детей Векслиных

26 января 1938 года

Начальнику АХО НКВД ТАССР
Мл.Лейтенанту Гос.Безопасности

тов. ЧЕЧЕЛЬНИЦКОМУ

Докладная записка

Согласно распоряжения АХУ НКВД СССР об изъятии у опекуна ТАРАСОВА Б.Д. детей репрессированных родителей ВЕКСЛИНЫХ, Галину и Илью, мной установлено следующее:

ТАРАСОВ Борис Дмитриевич прожив[ающий]: г.Казань по ул. Жуковского дом № 10/48 кв 7 Рабатающий в трампарке ныне уволен. Исключен из рядов ВКП(б).

В конце ноября м[еся]ца [19]37 года ТАРАСОВ подал заявление в АХУ НКВД СССР с просьбой о передаче ему на воспитание указанных детей. 12-го декабря [19]37 года ТАРАСОВ получил фельдсвязью 2 копии почто-телеграммы от 7 декабря [19]37 г. за № 856136 и 856135 с разрешением на получение детей, нас же АХУ в известность не поставило.

Указанные дети проживают у ТАРАСОВА в течение полутора м[еся]цев.

В разговоре с ТАРАСОВЫМ установлено, что у них имеются еще родственники желающие взять на воспитание указанных детей. Одновременно прилагаю заявление ТАРАСОВОЙ А.Д.

Ст.Инспектор ОТК: <Орадовский> /Орадовский/

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 12. Машинопись. Помета: «Оформить передачу согласно приказа № 4 1938 года и донести в АХУ. А. Чечельницкий, 9/II-38»)

№ 2

Предписание АХО НКВД ТАССР изъять детей Векслиных у опекуна

17 января 1938 г.

СЕКРЕТНО

НАЧАЛЬНИКУ ВЫСОКОГОРСКОГО РО НКВД ТАССР

Проживающей в Высокогорском р-не и работающей в Надской или Усадской больнице ТАРАСОВОЙ А.А. переданы на опеку дети репрессированных родителей ВЕКСЛИНЫХ – Галина и Илья ВЕКСЛИНЫ.

По предложению АХУ НКВД СССР детей у ТАРАСОВОЙ необходимо изъять, а посему просим обязать явкой в АХО НКВД ТАССР к 22 января с.г. гр-ку ТАРАСОВУ. Одновременно сообщите нам о наличии у Вас на ТАРАСОВУ компрометирующих материалов.

ВРИД. НАЧ. АХО НКВД ТАССР (ФЕДОРОВИЧ)
СТ. ИНСПЕКТОР ОТК (ОРАДОВСКИЙ)

№ 69

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 13. Отпуск. Машинопись с ручной правкой. Помета: «Вызывалась 27/I-38 г. явкой в НКВД 28/I вместо 22/I-38 года»)

№ 4

Второе ходатайство Тарасовой А.Д. о передаче ей на воспитание племянников Векслиных

26 января 1938 года

В НКВД АТССР

От гр-ке Антонины Дмитриевны Тарасовой проживающей в Усадской б-це Высоко-Горского района и работающей в Усадской б-це в качестве фармацевтки

Заявление

Прошу дать мне разрешение взять на воспитание детей моей сестры, осужденной как члена семьи, мальчик Илья Векслин 14 лет и Галина Векслина 11 лет. Я работаю в качестве фармацевтки в Усадской б-це Высоко-Горского района зарплату имею 20. р., <неразб.>, имею готовую квартиру с готовым освещением и отоплением. В просьбе прошу не отказать, т.к. я живу одна и их воспитать сумею.

26/I-1938 г. <А.Тарасова>

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 14. Рукописный подлинник, подпись – автограф)

№ 5

Отношение АХ НКВД ТАССР в НКВД-Центр относительно опекуна над детьми Векслиными

2 декабря 1937 г.

НАЧАЛЬНИКУ 4-го ОТДЕЛА УГБ НКВД ТАССР

КАПИТАНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

тов. ШЕЛУДЧЕНКО

Просим поспешить исполнением нашего ответа от 21/Х с.г. № 15/1088 – о возможности передачи детей ВЕКСЛИНЫХ Илью и Галину на опеку гр-ки ТАРАСОВОЙ А.Д.

Одновременно с этим препровожаем на Ваше распоряжение дополнительное заявление ТАРАСОВОЙ.

ПРИЛОЖЕНИЕ: По тексту.

НАЧАЛЬНИК АХО НКВД ТАССР

Мл.Лейтенант Гос.Безопасности <Чечельницкий> (Чечельницкий)

№ 1285

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 15. Машинопись на бланке АХО НКВД ТАССР. Пометы: «В 992»; «И. Т. Чечельницкий. Разрешить. М.Шелудченко, 12/ХИ»; «Получено через Секретаря отдела 28/ХИ-37. А.Чечельницкий, 28/ХИ-37»; «Срочно дать мне запрос Центра. А.Чечельницкий, 29/ХИ-37»; «Получено от Секретаря АХО т.Кашаева. Орадовский, 26/И-38 г.»)

№ 6

Ходатайство Тарасова Б.Д. о передаче ему на воспитание племянников Векслиных

29 ноября 1937 года

Начальнику Адм.Хоз.Отдела НКВД ТР

т.Чечельницкому

От гр-на Тарасова Бориса Дмитриевича,
проживающего по ул. Жуковского д № 10/48 к 7

Заявление

Я сын трудового народа: отец слесарь, а мать чернорабочая, сам рабочий, бездетный, экономически обеспеченный честным трудом, прошу дать мне разрешение на получение из детдомов детей сестры – урожденной Тарасовой Варвары Дмитриевны по мужу Векслиной – осужденной ??? октября 1937 г. как член семьи на 5 лет.

Девочка Галина Векслин – 10 лет находится в Ярославском детдоме, а мальчик Илюша Векслин – 13 лет находится в Любимском детдоме.

В сентябре м-це с.г. я ездил и разговаривал в Ярославском и в Московском Адмхозотделах НКВД, где мне сказали, что получить детей из детдомов на воспитание я могу путем подачи заявления на Ваше имя после решения суда по отношению сестры, а т.к. дети отправлялись Адм. Хоз. Отделом НКВД ТР, то и разрешение на получение детей на воспитание мне сказали что можно получить здесь, т.е. в Татарии.

Еще раз прошу дать разрешение на получение детей на воспитание и обязуюсь выполнять все виды забот.

Дети просят меня взять их из детдомов и я им сочувствую т.к. у меня у самого был в жизни единственный счастливый день, когда сестра взяла меня из детдома.

Я уверен, что Вы удовлетворите просьбу детей и мое желание и дадите разрешение на получение их из детдома.

29/ХИ-37 г. К сему <Б.Тарасов>

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 16-16об. Рукописный подлинник, подпись - автограф)

№ 7

Первое ходатайство Тарасовой А.Д. о передаче ей на воспитание племянников Векслиных

2 декабря 1937 года

Начальнику адм.хоз.отдела НКВД Татреспублики

От гр-ке Антонины Дмитриевны Тарасовой
проживающей в Усадской больнице
Высоко-Горского района Татреспублики

Заявление

Прошу дать мне разрешение взять на воспитание детей моей сестры, живущих в детских домах Ярославской области. Илья Векслин 13-ти лет живет в детдоме при гор. Любиме, детдом им. «Луначарского» и Галина Векслин 10-ти лет живет в гор. Ярославле детдом им. «Краснознаменного комсомола». Я происхожу из рабочей семьи: отец слесарь, мать чернорабочая, сама я одинокая, имею зарплату вполне позволяющую иметь членов семьи на воспитании, причем и мои родители всегда помогут, если потребуются средства, т.к. все они желают взять детей из детдома.

Прошу учесть искреннее желание детей воспитываться у родственников, а не в детдоме и мое желание дать детям возможность расти и развиваться как и все другие дети советского народа в условиях семьи.

В просьбе прошу не отказать.

2/ХП-37 г. <А.Тарасова>

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 17-18. Рукописный подлинник)

№ 8

Ходатайство бабушки Тарасовой Феклы о передаче ей на воспитание внуков Векслиных Галины и Ильи

Народному комиссару внутренних дел Татреспублики

От гр-ки Тарасовой Феклы Петровны
проживающей в Казани по ул.
Жуковского дом № 10/48 кв. 7

Заявление

Прошу дать разрешение из детдомов взять на воспитание внучат Илью и Галину Векслиных под подписку моего сына Тарасова Бориса Дмитриевича и под сою лично. Мой преклонный возраст не может повлиять на отказ. Я только не могу работать, а воспитывать я смогу еще долгие годы, и мое воспитание в условиях нашей рабочей семьи будет многим примером.

В тюрьме на свидании с дочерью я ее просила узнать, каким образом взять детей из детдома 1 декабря получила от нее письмо, где она пишет, что детей дадут под подписку. Сын Борис и его жена, в семье которого я живу, бездетны, и оба работают и детей любят. Мне 67 лет, образования я не имею.

Я дочь крепостных, и родители мои с малых лет отбывали барщину. А после освобождения ходили по-найму по кулакам и господам. Нищенский заработок не обеспечивал семью моих родителей и из всех детей в живых остались старшая сестра моя да я. В наследство мы получили только выносливость к труду. Выйдя замуж, я знала, только <труд(?)>-неразб.> и как родить, из десяти человек осталось в живых, которых мне пришлось воспитывать одной.

Я зарабатывала три рубля в месяц, так как нет никакой специальности, в нужде, в голоде, в унижение перед буржуазией и обивателей я упорно и честно воспитывала детей.

С наступлением Советской Власти закончилось мое унижение, а подросшие дети облегчили жизнь.

В первые годы революции я проводила на фронт старшую дочь и сына для того, чтобы разбить и уничтожить того, кто издевался над моими родителями, унижали и гнули не посильным трудом мою спину. Мои дети выполнили честно гражданский долг.

Много я пережила горе обид и оскорблений и не посильного труда, но я не чувствую старости.

Я радуюсь и молодею, потому что моим детям не пришлось того, что я переживала. Советская Власть обеспечила моим детям равное право на труд, на отдых, на сытую и счастливую и культурную жизнь.

Я рада, что органы НКВД в свое время разоблачили врагов народа, которые пытались отнять у нас, у трудового народа право на счастливую жизнь. В числе разоблаченных врагов народа оказался и муж моей дочери Вексин.

Я незнаю его подлой троцкистской деятельности, так как в семье Вексин держал себя как советский гражданин и как коммунист. Я верю своей дочери, что она тоже не знала подлости, что делал ее муж, я осуждаю своего зятя, раз он оказался враг народа, я проклинаю его, испортившего жизнь моей дочери. Правосудие достойно расправилось с ним за его нечестность перед народом и нашей рабочей семье, дочь моя тоже понесла наказание как член семьи Вексина.

Дети моей дочери оказались в детдомах. Я еще прошу Вас отдать моих внучат на воспитания моему сыну Тарасову Борису Дмитриевичу. Я как потомственная труженица даю обязательство, что внучата будут воспитаны в нашей рабочей семье патриотами родины,

в чем росписываюсь

Тарасова Фекла

2 декабря 1937 года.

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 18-19. Рукопись, орфография подлинника сохранена)

№ 9

Письмо детдомовки Наташи Быковой о здоровье ее подруги Галины Векслиной

Здравствуйтесь Фекла Петровна

От Гали вам письма не будет. Потому-что она болеет. У нее малерия и болят уши. Она велела мне написать вам чтобы ей прислали теплую шапку и валенки шарф. Посылку она получила.

Ну и пока досвидание

Пишет воспитанница дет дома

Н.Быкова*

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 20. Рукопись, орфография и пунктуация подлинника сохранены)

Быкова Наталья Павловна, 9 лет, воспитанница детдома им. Краснознаменного Комсомола г.Тверицы Ярославской обл. Св./рожд. № 892444. Передана на воспитание родственнице Барышевой Александре Романовне (г.Казань, ул. Лозовского, д.84, кв.1)

№ 10

Извещение из детдома о здоровье и поведении Векслина Ильи

[Почтовая открытка, Казань, ул. Жуковского,
д. № 10/48 кв.7 Тарасову Борису Дмитриевичу]

Т.Тарасов

Сообщаю Вам, что посылку Вексин Илюша получил. В школе до сих пор не учится, т.к. нога у него еще все болит. Врачебные меры мною принимаются, но сам он не регулярно моет себе ноги, что усугубляет его выздоровление. В мастерскую также заниматься ходить не хочет. Присылать ему ничего не нужно, т.к. у него все имеется.

3/XI-37 г. <Семенов/Семитнов (?)>

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 21-21об. Рукописный подлинник)

№ 11

Письмо Тарасовой-Векслиной Варвары Дмитриевны из Свердловска

20 ноября 1937 г.

Милая мама! Я пока в Свердловске. Как прибуду к месту назначения, дам телеграммой мой адрес, а ты мне немедленно сообщи о детях. Я знаю, что их можно просить на воспитание под подписку. Умоляю вас, возьмите их, воспитайте в родной семье и обоих вместе, чтоб они не отвыкли друг от друга. Я не возражаю, если в учебе год пропадет, они еще молоды и не опоздают.

Варя.

20/XI-37 г.

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 22-22об. Рукописный подлинник. Почтовые печати Свердловска (28.11.37) и Казани (? .11.37). Помета: «Доплатное. Казань, ул. Жуковского, д. 10, кв. 7. Тарасовой Ф.П.»)

№ 12

Отношение НКВД-Центра в ТатНКВД о проведении проверки тетки Тарасовой А.Д., желающей взять на воспитание племянников

14 октября 1937 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТАТ. АССР

т. Михайлову, г. Казань

Гр-ка ТАРАСОВА А.Д., проживающая в Высоко-Горском районе ТАТ. АССР, Надская больница*, изъявила желание взять на опеку детей репрессированных родителей ВЕКСЛИНЫХ Илью 13 лет и Галину 10 лет.

Прошу произвести проверку на предмет выявления компрометирующих данных для решения вопроса о возможности передачи гр. ТАРАСОВОЙ детей на опеку.

О результатах проверки прошу сообщить мне.

ЗАМ. НАЧ. АДМХОЗУПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР

БРИГИНТЕНДАНТ

<М.Шнеерсон>

(ШНЕЕРСОН)

№ 854524

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 23. Машинопись на бланке АХУ НКВД СССР. Помета: «т. Чечельницкому, подпись, 17/X»)

* Так в тексте. Правильно: Усадская больница (село Усады).

№ 13

Отношение АХО в 4-й Отдел УГБ НКВД ТАССР о проведении проверки тетки Тарасовой А.Д., желающей взять на воспитание племянников

Не ранее 17 октября 1937 г.

Секретно

НАЧАЛЬНИКУ IV ОТДЕЛА НКВД ТАССР

Здесь

Зам. нач. АХУ НКВД СССР запросил о возможности передачи детей репрессированных родителей ВЕКСЛИНЫХ Илью и Галину на опеку гр-ке ТАРАСОВОЙ А.Д., проживающей в Высоко-Горском районе, Надская больница.

Прошу произвести проверку на предмет выявления компрометирующих данных для решения вопроса о возможности передачи гр-ке ТАРАСОВОЙ детей.

О результатах сообщите мне для ответа в АХУ*.

НАЧАЛЬНИК АХО НКВД ТАССР

Мл. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(ЧЕЧЕЛЬНИЦКИЙ)

№ 15/1088

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 25. Отпуск. Машинопись)

*Запрос был повторен 2.12.1937 и 26.01.1938 (см. там же, л. 24, 27)

№ 14

Отношение НКВД ТАССР в АХУ НКВД СССР о нецелесообразности передачи детей Векслиных на воспитание родственникам Тарасовым

14 декабря 1937 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

НАЧАЛЬНИКУ АХУ НКВД СССР
СТАРШЕМУ МАЙОРУ ГОС.БЕЗОПАСНОСТИ тов. ПОПАШЕНКО
гор. МОСКВА

В ответ на Вашу почто-телеграмму № 856137 от 7/ХІІ-37 сообщаем, что ТАРАСОВ Борис Дмитриевич, 1908 года рождения, уроженец гор. Тетюш Тат.АССР, исключен из ВКП(б), проживает в гор. Казани по ул. Жуковского в доме № 10/48 кв.7, работает техническим работником в Управлении трамвайного парка. Ранее работал в селе Н.Услон Тат.АССР директором неполной средней школы, куда был направлен ныне репрессированным врагом народа ВЕКСЛИНЫМ.

Его жена ТАРАСОВА Надежда Алексеевна, 1909 г. рождения, урож. г.Тетюш, дочь попа, антисоветски настроена.

Сам ТАРАСОВ Борис Дмитриевич в личном быту разложившийся, пьянствует, работой не интересуется, устраивая массовые прогулы.

Сын врага народа ВЕКСЛИНА - 13-ти лет, проживая в [детском] доме, отмечался в хулиганских поступках, перерастающие в уголовные действия.

Считаем отдачу детей ТАРАСОВУ на воспитание нецелесообразным.

НАРКОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ТАТ.АССР

КАПИТАН ГОС.БЕЗОПАСНОСТИ

/МИХАЙЛОВ/

№ 5/741

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 26. Отпуск. Машинопись)

№ 15

Запрос НКВД-Центра относительно имеющих компрометирующих данных на Тарасова Б.Д.

7 декабря 1937 г.

ПОЧТО-ТЕЛЕГРАММА
КАЗАНЬ НКВД ТАТ.АССР

ПРОШУ СООБЩИТЬ – НЕ ИМЕЕТСЯ ЛИ КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ ДАННЫХ НА ТАРАСОВА БОРИСА ДМИТРИЕВИЧА, ПРОЖИВАЮЩЕГО В ГОРОДЕ КАЗАНИ УЛИЦА ЖУКОВСКОГО ДОМ 10/48, КВ.7, ИЗЪЯВИВШЕГО ЖЕЛАНИЕ ВЗЯТЬ НА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ ВЕКСЛИН, РОДИТЕЛИ КОТОРЫХ РЕПРЕССИРОВАНЫ.

ПОПАШЕНКО

№ 856137

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 28. Машинопись. Штамп НКВД ТР «Вх. № 30275, 10/ХІІ-1937 г.». Пометы: «10/ХІІ»; «№ 675, 10/ХІІ-37»; Штамп: «По данным учета 8* УСО УГБ НКВД ТАССР не проходит 11/ХІІ-1937 г. Подпись, *подпись*»; «т. Самарину»; «Борисову. 10/ХІІ, И. Самарин»)

* На момент выдачи справки Учетно-справочный отдел УГБ НКВД ТАССР именовался 8-м отделением УГБ.

№ 16

Сообщение о результате проверки семьи Тарасова Б.Д.

13 декабря 1937 г.

Установка
по улицы Жуковского в доме 10/48 кв. 7 проживают:

Тарасова Фекла Петровна 1869 г.р., уроженка города Тетюши ТР, пенсионерка, теща репрессированной семьи Векслиных

Тарасов Дмитрий из пределов г.Казани выехал несколько лет тому назад, с семьей связи не имеет, пьяница, где находится неизвестно

Тарасова Елена Дмитриевна 1914 г.р. урож. гор. Тетюши, училась в КГУ, в данное время проживает в гор. Куйбышеве – незамужняя

Тарасова Антонина Дмитриевна 1906 г.р. урож. гор. Тетюши незамужняя, в данное время проживает в деревне Дербышки Казанского р-на ТР, работает в аптеки фармацевтом.

Тарасов Борис Дмитриевич 1908 г.р. урож. гор. Тетюши, в данное время работает техническим работником в козанском трампарке, ранее работал в Н-Услоне директором неполной сред. школы, куда поступал по протекции ныне репрессированного Векслина, Тарасов Б.Д. был членом ВКПб в донное время исключен, Его жена Тарасова Надежда Алексеевна 1909 г.р. урож. г.Тетюши дочь попа, настроина анти советски, сам Тарасов Борис Дмитриевич больной и часто бывает пьяный, что отражается на семейный быт, детей неимеют, живут весьма замкнуто с жильцами по дому ни каких общений не имеют. Вся семья Тарасовых была под влиянием Векслина.

13/ХП-37. Сотрудник 2 отд. УГБ <Борисов>
(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 29. Рукопись, орфография и пунктуация подлинника сохранены, подпись – автограф)

№ 17

Обязательство Тарасовой Антонины Дмитриевны при приеме на содержание и воспитание своих племянников – детей арестованных родителей

1937-1938 г.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Я, нижеподписавшийся /фамилия, имя, отч[ество]/ *Тарасова Антонина Дмитриевна*, проживающий /адрес/ *Усадская больница Высоко-Горского района* паспорт серия № 583132 сер. ГАТ, выданный 3 отд РКМ г.Казани отд. милиции. Место и год рождения опекуна с. *Никифорово Тетюшского района год рождения 1906* обязуюсь принять на содержание и воспитание ребенка /детей/: *Илью Носон-Беровича Векслин год рождения 1923 род. в г.Казани и Векслин Галину Носон-Беровну родившуюся в 1926 г. в г.Казани.* О всех переменах своего местожительства и пребывания взятого на опеку ребенка обязуюсь сообщить по адресу: *Татреспублика гор. Казань НКВД ТАССР /адрес НКВД/.*

Подпись <А.Тарасова> /опекуна/

Подпись опекуна гр. <Тарасовой А.Д.> заверяю.

Управдом зав. <неразб.> /подпись/

М.п. управдома

(ГА РТ, ф. Р-5852, оп. 5, д. 4, л. 31. Рукопись на бланке, подпись – автограф. Без даты. Круглая печать Усадской участковой больницы)

№ 1-3

№ 1

Воспоминания Галины Борисовны Тарасовой (Векслиной)

«Детдом – это не считается»

ТЕЛЕГРАММА

Копия

ВЫДАЙТЕ ВЕКСЛИН ГАЛИНУ НА ОПЕКУ ДЯДЕ ТАРАСОВУ БОРИСУ ДМИТРИЕВИЧУ, ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ ПАСПОРТА ИЛИ ЛИЦУ ПО ЕГО ДОВЕРЕННОСТИ.

НР 856136

ПОПАШЕНКО

«7» декабря 1937 г.

гор. Москва

НАЧ. АДМХОЗУПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР

СТ.МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

(ПОПАШЕНКО)

Верно: <подпись>

(Ксерокопия заверенной копии документа, треугольная печать АХУ НКВД СССР)

№ 2

Справка

Дана настоящая воспитаннице Векслиной Галине Носонберовне в том, что она воспитывалась в детском доме имени «Краснознаменного Комсомола» и выбыла под опеку дяди Тарасову Б.Д. № 528039 в г.Казань на основании телеграммы НКВД № 856136 за подписью Попащенко.

Директор

<Остриков>

/Остриков/

16/ХП

16 декабря 1937 г.

№ 12-1513

(Ксерокопия документа. Круглая печать Детского дома им Краснознаменного Комсомола)

№ 3

25 февраля 2000 г.

I.

Мы жили в тупичке на ул. Гоголя, куда переселили нас на уплотнение к Быковым (после ареста папы*). Мама и В[арвара] Л[еонидовна]** раньше обе работали в ТКУ***. Теперь они были безработные. С Наташей Б[ыковой] мы учились в одном классе. Мама и В[арвара] Л[еонидовна] вместе ходили в пересыльную тюрьму, пытаясь узнать что-то о мужьях. Отполыхал пожар – к нашему двору примыкали интендантские склады****. Выгорели они дотла, головни летели по всей округе... В почтовом ящике появилось письмо: «Перепишите 40 раз и разошлите всем знакомым, иначе вас постигнет несчастье...» Все это создавало обстановку неустойчивости, какого-то подсознательного страха...

18 августа пришла к нам подруга мамы (еще со времен учебы в учительской семинарии) Зоя Павловна Цветова. И увела меня к себе на ферму в Борисово*****. Под предлогом – ребенку 10 лет, перед школой нужно прийти в себя (лето – без дачи, страх от пожара и т.п.). Помню, с каким удовольствием я шлепала босыми ногами, утопая по щиколотку в пыльной колее... Не подозревая, что ухожу от мамы на долгие, долгие годы...

Прошло три дня в играх с Ниной, средней дочерью Зои Павловны, моей сверстницей, преданнейшим другом всей жизни. Вечером 20/VIII на крыльце дома собрались студенты ветеринарного института, друзья старшей дочери З[ои] П[авловны] Галины. С гитарой, с песнями. Мы с Ниной крутились здесь же. А на душе было неспокойно – ведь я впервые была не с родными, а с друзьями, хоть и близкими. Наступила ночь, пошли спать. Мы с Ниной улеглись на диване в большой проходной комнате. В час ночи я услышала голос нашей няни Насти: «Галенька, вставай, мы поедем...» В комнате горел свет, были какие-то чужие дяденьки в черном. И – на темном

фоне дверного проема спальни – безмолвная фигура матери З[ои] П[авловны], Анастасии Вас[ильевны] – голова покрыта темным платком, руки сложены на груди, крест-накрест.

Я была послушным ребенком, поднялась, оделась. Вышли из дома. У крыльца стояла машина с откинутым верхом. В ней – чемодан, узел. Сели, поехали. Настя стала мне говорить, что папу выслали, мама с Илюшей уехали пароходом, а мы с ней – поездом догоним их. И все встретимся там, где папа.

Доехали до перекрестка ул. К.Маркса и Гоголя. Машина остановилась. Настя вышла, сказав: «Я сейчас...» и заплакала. Один из спутников взял узел (в нем была моя шуба), сунул его Насте со словами: «Все равно пропадет...» Машина тронулась. Настя осталась на дороге. Остановились у клуба им. Менжинского. Я молчала, ошарашенная всем происходящим. Меня повели по лестнице наверх. Там, в фойе на чемоданах и узлах сидели несколько детей. Села на чемодан и я. Разговаривать нам не велели.

В 5-ть часов утра нас подняли, погрузили в кузов грузовика. Мы поехали. Было уже светло. Вот мой д[етский] с[ад] на площади. Вот бакалея, вот наш бывший дом. Замелькали – Варваринская церковь, ТКУ, [железнодорожный] туннель, лес Троицкий... Машина свернула налево. Показался красный двухэтажный кирпичный дом за высоким забором. Открылись и закрылись ворота. Нас ввели в дом женщины в белых халатах: «Мы – воспитательницы. Вот ваша спальня. Идите умывайтесь, потом в столовую, завтракать». Вышла я в коридор и увидела - прижавшись к стене, стоит Илюша. Я, еще верившая в рассказанную мне байку, спросила: «А где мама?» и услышала: «Маму арестовали сегодня ночью...» Илюша передал мне наказ мамы: молчи, не спорь, когда попадешь в д[етский] д[ом], напиши бабушке Фекле Петровне, где ты находишься.

В один из дней мы играли во дворе (дети же...). Подходит ко мне, потом к Илюше – воспитательница и велит нам идти к забору. Не понимая в чем дело, мы с неохотой ушли со спортплощадки. И вдруг услышали – нас окликают по именам. Повернулись на шепот – увидели дырку в заборе (выбитый сучок), а в ней – глаз... Это бабушка Фекла Петровна и тетя Тоня по берегу Казанки добрались до нас. Видеться с нами было запрещено. Но воспитательницы, учившиеся у отца и знавшие его по работе в Наркомпросе, дали возможность родным увидеть нас таким способом. Передать марки и конверты. Когда через пару дней нас послали на хозяйственный двор, мы пошли безропотно, даже с надеждой... Нам было велено молчать, что бы мы ни увидели. Во дворе стоял крытый фургон. Открылись ворота. Фургон выехал и тут раздался крик: «Стойте, доски забыли». Дверцы фургона открылись, доски стали грузить. А нас с Илюшей подтолкнули к воротам. У самых дверей фургона, на скамьях, прижавшись к бортам, сидели наши тетушки – Нина и Тоня... Молча мы смотрели на родные лица. Несколько минут – двери фургона захлопнулись. Ворота закрылись.

2 сентября 1937 года нас, 10 ребятишек школьного возраста (девочек и мальчиков) повезли на Дальнее Устье*****. Высадили на штабеля бревен. С нами были две воспитательницы и милиционер – татарин дядя Федя. Сутки сидели мы на бревнах в ожидании парохода – на пристань нас не повели. Я могла бы с закрытыми глазами дойти с Устья до дома (помнились поездки в Тетюши)... Но воспитательницы сказали, что если мы сбежим, то их посадят. И мы сидели на бревнах... На следующий день пришел пароход, и мы отправились вверх по Волге. Куда – неизвестно. Дядя Федя-милиционер брал нас, трех девочек-ровесниц (10-леток) – Наташу Б[ыкову], Нину А[фанасьеву]***** и меня, вел нас на корму нижней палубы. По пути в буфете он покупал яблоки или арбуз. Угощал нас, молча глядел... Не велел никому об этом рассказывать.

Через три дня пароход пристал в Ярославле. Нас высадили. Одна воспитательница с двумя девочками поехала дальше.

На пароме переплыли на левый берег Волги, в слободу. До д[етского] д[ома] нужно было идти км 2, вдоль берега по песку. Дядя Федя обвешался нашими сумками-чемоданами (через плечо, в руках) и шел, окруженный нами, обливаясь слезами... Мальчики сами несли свою кладь. Подошли к детдому. На крыльце стояла толпа малышей. Увидев нас, они принялись скакать вокруг, указывая пальцами и крича: «Врагов привезли! С милицией!» На крики выбежали девочки постарше и разогнали малышню.

Началась детдомовская жизнь. Она была разная – и лучше, и хуже. Мы попали не в лучшие времена. За 4-е месяца моего пребывания в д[етском] д[ома] сменилось четыре директора. Незадолго до нашего приезда посадили директора, бывшего офицера царской армии. Дети очень любили его. Ценили, что в дневнике у каждого(а некоторые не знали своих отца-матери), там где «подпись родителей» он ставил собственноручную подпись. Увы, было и несколько ребят, которые ополчились против «вражеского влияния»...

Помня наказания мамы, брата, бабушки, - я написала письмо, с адресом д[етского] д[ома]. На почту его потихоньку отнесли детдомовские девочки. Через какое-то время я получила письмо от бабушки, а чуть позже – и от Илюши. Старший брат, он заботливо вложил в конверт маленькую выкройку, поясняя, как конверт можно сделать из тетрадного листа. А заклеивать (если нет клея) можно разжеванным хлебом или картошкой. Писал, что письма можно отправлять без марки, они дойдут как «доплатные» (тогда можно было выкупить письмо при получении).

Итак, нас, вновь прибывших, провели в зал. Пришел директор, воспитатели, медсестры, повар. Нас познакомили с ними. И, разделив мальчиков и девочек, разместили в карантинных комнатах. Умыли, покормили... Наши казанские сопровождающие, передав нас и наши документы, отправились обратно, в Казань...

Детский дом размещался в бывшем помещицьем доме (дом Петоржицкого). Двухэтажное здание стояло на левом берегу Волги, в слободе Ярославля, называвшейся Тверицы. Когда-то, после очередного разгрома Твери здесь поселили взятых в плен. Так и пошло – тверичи, Тверицы. Позади дома был хозяйственный двор, со всеми постройками, включая баню. За хоздвором – огород. Когда-то был и сад (сейчас были лишь жалкие его остатки). Дом стоял – длинником вдоль берега. С одного торца – парадный подъезд, он и функционировал. От него, вдоль, разделяя первый этаж пополам, шел длинный коридор. В конце его было крыльцо, меньше парадного. Оно было закрыто. В этом тупике, с видом на Волгу, находился кабинет директора. А напротив, под лестницей, ведущей на второй этаж, был изолятор (комнатка с одним окном и одной койкой). Рядом с директорским кабинетом – зал, где проходили все торжественные мероприятия. Там стоял рояль, вдоль стен – стулья. В обычные дни в зале проводили физзарядку. Ближе к парадному, в большой комнате располагалась столовая. В два ряда стояли длинные столы и ряды стульев. Напротив столовой – кухня с подсобными помещениями, склад пищевых продуктов.

Рядом, с видом во двор, была квартира (вернее – комната) директора. Прежний директор там жил. Сейчас она пустовала. Около лестницы была раздевалка и кладовка – вещевой склад. Однажды его обворовали, унесли вновь полученные теплые вещи и обувь – наши же мальчики, взломав заделанное окно. Если подняться на второй этаж по лестнице, то слева, с видом на Волгу – был большой класс. Там готовили уроки и проводили занятия по труду, рукоделию. Напротив была спальня старших девочек. Спальню младших девочек находилась рядом с классом. Напротив ее – кастилянная, карантинная для девочек. Дальше была умывальная, туалет для девочек. Широкий дверной проем со ступенькой отделял от девчачьего крыла – спальни, умывальни, санузел, карантинную для мальчиков. В том же конце был запасный выход – узенькая лестница, вход туда был обычно заперт.

В то время, когда приехали мы, директором д[етского] д[ома] был Александр Иванович, 28-летний симпатичный, спортивного вида парень, раньше бывший комсоргом. Детдом носил имя Орденоносного Краснознаменного Ленинского комсомола. Воспитанники очень гордились этим именем. И к А[лександр]у И[вановичу] – комсоргу у них было отношение доброе, он был «свой парень». И в роли директора – не очень воспринимался. Александр Иванович старался поддерживать прежний уклад. По утрам проводил физзарядку. Вечером собирались в зале на репетиции – готовились отмечать начало учебного года. Увидев, что я хорошо занимаюсь гимнастикой, мне предложили выступить вместе с одной девочкой с парным акробатическим этюдом. Это как-то помогало вжиться в новую среду обитания... Аккомпанировала нам воспитательница Юлия Петровна. По окончании репетиции все собирались вокруг рояля. За инструмент садилась Полина, девочка лет 13-ти, тоненькая, с бледным тонким лицом, длинной

шейкой, с гладко зачесанными на прямой пробор темными волосами, заплетенными в одну косу. Полина на слух подбирала мелодии, остальные подпевали. Любимой песней и гордостью была «Когда я на почте служил ямщиком» ярославца Трефлева. Песня была грустной и созвучной настроению ребят. Всем было тревожно и всех пугало: что-то будет теперь, после ареста любимого директора... У старших девочек появились мысли, что нужно как-то определяться – в ремесленное училище, в ученики на фабрику, завод или еще куда-то. Чувство неуверенности и беспокойства подогревалось еще и тем, что нового директора, воспитателей – то и дело куда-то вызывали. Удержать в секрете от детдомовских ребят это было невозможно (кто-то что-то подслушал, увидел и т.д.).

Через три дня после нашего приезда Наташа Б[ыкова] заболела скарлатиной. В школу мы с Ниной А[фанасьевой] - во время карантина - не ходили и целые дни проводили на улице. Был сентябрь и погода стояла хорошая. На Волге, напротив детдома был небольшой песчаный островок с редким кустарником. Мы вброд переходили туда, садились на дальний бережок, опускали ноги в воду... И нам казалось, что вот, вода от наших ног бежит вниз по Волге, к Казани, и мы будто бы приближаемся к нашему дому. (которого уже и не было...). Сидели, молчали, строили крепости из мокрого песка... Иногда тянули какую-нибудь песенку: «Вниз по Волге-реке», «Позабыт-позаброшен с молодых юных лет...» Так проходило время до обеда. Мы возвращались в д[етский] д[ом]. После обеда в классной комнате готовили уроки. Воспитательница по труду, высокая, дородная Юлия Петровна обучала нас разным поделкам. Так, она научила нас делать из тонкой проволоки (из электрошнура) и разноцветных ниток – бутоньерки, негрятят и др. Если не хватало ниток какого-то цвета, то мы подкрашивали белые нитки красками, чернилами. Это умение сослужило мне добрую службу потом, когда я вернулась из Тетюш в Казань (1943-44 гг.) и жила одна, с вселенными в комнату бабушки эвакуированными. Картошкой меня снабжала тетя Тоня из Усад. Карточки иждивенческие продуктовые и хлебные (300 гр), прикрепляла у себя на работе в СЭС***** моя няня Настя. Я училась в 9-10 классах. Денег не хватало. Вот тогда я вспомнила добрым словом Юлию Петровну, научившую делать бутоньерки. Я мастерила их, а мама моей школьной подруги Зины Екатерина Ивановна продавала их на Маленьком базарчике по 10-15 рублей. Люди брали – как-то хотелось украсить свой наряд...

Карантин закончился. Старшие девочки заявили, что возьмут нас троих (Нину, Наташу и меня) к себе в спальню на места, освободившиеся после выпущенных из детдома девчат. Началась учеба в школе. Дома я ходила в школу за три квартала от дома по асфальтированным тротуарам. Здесь же нужно было идти в слободскую школу за два километра. Тропа шла по обочине грунтовой дороги, ближе к домам. И очень скоро мои туфли разлетелись. Мне выдали полуботинки, на шнурках. Дырочки для них были оправлены в металлические заклепки. Сентябрь подходил к концу. Иногда шел дождь. После ужина на пару часов мы все выходили в огород, копали картошку, лук, морковь... Заклепка натерла мне ногу, и на тыле стопы появился нарыв. Девочки научили меня, и я стала лечить ногу, прикладывая подорожник, пареный лук (девчата приносили мне его с кухни, те кто там дежурил).

У меня были косы. Я не могла промывать их, они сливались. Кастелянша Юлия Павловна заводила меня к себе в кастелянскую и там вычесывала мои косы частным гребнем с керосином на ватке (увы, появились и вши). Юлия Павловна заплетала мои косы, завязывала выглаженные утюгом ленты. Обычно те девочки, у которых были косы, свои ленты накручивали на ночь на карандаш. На вшей же – и внимания не обращали. Их было много и у слободских девчат, с которыми мы учились. А я... все чесалась, не могла привыкнуть.

С первых чисел октября в детдоме начались перемены. Александр Иванович уволился (так он сказал нам). Через неделю после его ухода уволили Юлию Петровну (как «кадр старого директора-врага»). Воспитанники гудели как пчелы, говорили о справедливости... Одна из воспитательниц (ребята звали ее Лисой) все ходила и старалась вызвать на «душевные разговоры». Это вызывало обратную реакцию. Девочки постарше старались держаться дружнее. Физзарядка и сборы у рояля – прекратились. Мальчики же, почувствовав безвластие, вели себя агрессивно и развязно.

Прислали нового директора – 20-летнего стахановца-комсомольца с шинного завода. Все звали его просто Сеня. Мальчишки обнаглели до того, что подходили к нему и требовали папирос. На его ответ, что папирос нет, заставляли его поднять руки, залезали в карманы, вынимали папиросы. Уходили победителями со словами: «Эх ты, врешь, а еще директор».

Мальчики взяли за моду драться со слободскими ребятами «станка на стенку». Бывало, во время обеда раздавался свист. Ребята вскакивают, хватают со столов стаканы с компотом или киселем и убегают (стаканы как гранаты использовали). Иногда отдельные «герои» доходили до того, что нажевав хлеб, плевали в тарелки с супом девчатам. В столовой стало невозможно поесть. Девочки старались почаще дежурить на кухне, чтобы прихватить там картошки, лука, морковки и в спальне в кружке сварить супчик... Старались из столовой прихватить кусок хлеба, на ходу хлебнув чего-то или зачерпнув ложкой с тарелки. С началом заморозков кусочки хлеба привязывали на пояски от платьев и вывешивали в форточки. Замороженный хлеб грызся дольше, и создавалось впечатление сытости. У меня на левой же ноге на колене сбоку появился очередной нарыв. Лечила его тем же способом. А через какое-то время слева же начался гидроаденит... В школу я продолжала ходить. Наташа Б[ыкова] из больницы вернулась.

В директорах Сеня продержался две недели... На его место пришла дама в беретике на завитушках волос, кругленькая, добренькая, с ридикюлем под мышкой. Стала приглашать мальчиков в себе в кабинет на «душевные» разговоры. Мальчики шли, изображали из себя послушных и воспитанных, поддакивали ей. А выйдя из кабинета – громко смеялись над ней и продолжали безобразничать. Стали «приставать» к старшим девочкам... В ответ на все эти «художества» девочки из нашей спальни решили, что нужно сидеть в спальне и дверь запирать на замок (врезной). Через какое-то время завхоз вынул замок - «непорядок». Тогда стали запирать дверь, просовывая полено в дверную ручку. По вечерам мы топили печь уворованными дровами (отопительный сезон не начался еще, но было холодно), варили супчик, смотрели на огонь и тянули песню за песней...

Была у нас и своя:
«На окраине, где-то в городе,
Наш детдом одиноко стоит.
Крыша красная, сам он белый весь,
Так печально на город глядит.
Ребятишки в нем разных возрастов,
Но все больше 12-ти лет,
Есть и мальчик, есть и девочки,
Только счастья совсем у них нет.
На окошечках словно яблочки
У них хлебца кусочки висят.
Проморожены как сухарики,
С аппетитом девчонки едят.
И т.д. на мотив «Кирпичиков»...

Мне бабушка прислала две посылки. Мелкое печенье, конфеты-горошек, орехи кедровые и лесные – чтобы можно было оделить всех... Посылку ставили на стол в центре спальни и пировали.

То, что мы запирали спальню, бесило мальчишек. Однажды, придя из школы, мы обнаружили, что дверь в спальню из коридора заколочена огромными гвоздями. Внутри находились несколько девочек, не открывших двери по требованию мальчишек. Остальные все, пришедшие из школы, - в коридоре. Забегали воспитатели, завхоз. Гвозди с трудом выдернули.

В ноябре начались холода. У меня не было зимнего пальто (шубу отдали Насте, когда увозили меня). В д[етский] д[ом] привезли партию теплых вещей. Старшие девочки – Нюра Чичова и Нюра Марченко пошли со мной выбирать пальто. «Бери на два размера больше – подрастешь, чтобы рукава не были коротки». Появился какой-то фотограф, и мы

сфотографировались в обновке... Я с большой теплотой всегда вспоминала этих девочек. Они опекали нас, «домашних», жалели, защищали.

Однажды утром я проснулась от головной боли. Девчата взглянули на меня и ахнули: все лицо отекло, глаза «разбежались» в разные стороны. Привели медсестру. Поглядев на меня, она велела одеваться и повела меня в город, в поликлинику, к хирургу. Волга уже встала, но снега было мало. Мы шли по скользкой полузамерзшей тропе. Когда высидев в очереди, я попала к хирургу, оказалось, что температура у меня была 38° и что я больна рожистым воспалением волосистой части головы (следствие расчесов). Меня поместили в изолятор. Сказали, что я заразная и ходить ко мне нельзя.

В один из дней я услышала крики в коридоре. Позже узнала – директор после очередной милой беседы с мальчишками обнаружила, что у нее из ридикюля пропала гербовая печать и несколько бланков со штампом д[етского] д[ома]. Это милые мальчики решили сбежать из детдома, прибавив себе года, и все это записать в самодельных справках. Суматоха длилась пару дней, все нашли. Сбежать ребята не успели. Зато пришли в изолятор, как сказали, навестить меня. Считая себя заразной, я с головой закуталась в одеяло (то, что дала мне мама, шерстяное), ухватив все четыре угла руками. Мальчики начали дергать за одеяло, и я кубарем скатилась на пол. В это время я услышала, как хлопнула дверь и раздались разъяренные голоса моих опекунов – Нюры Ч., Нюры М., Вали. Расшвыряв мальчишек, они подняли меня и понесли. Пришла в себя я уже на своей кровати. Я не могла разжать судорожно сжатые кулаки. Девочки постепенно высвободили меня из моего «кокона». Прибежала медсестра, воспитательница (директора в это время не было), пытались вновь отправить меня в изолятор. Девочки стали стенкой перед моей кроватью, сцепив руки, и сказали: «Делайте что хотите, мы Галину больше не отдадим». Так я и долечивалась в спальне. Около кровати поставили тазик с хлорамином. Медсестра приходила, обрабатывал мне лицо, смазывала мазью. Девочки близко ко мне не подходили. Если помогали поесть, то потом обрабатывали и мыли руки. Никто больше не заболел. Удивительно, насколько разумными, самостоятельными и человечными были две Нюры, Валя... Яркой была еще 12-летняя Сима – «Симка-кнопка, Пуговка, Чижик» - так называли эту милую маленькую с кудрявыми каштановыми волосами и лукавыми глазницами девчушку. Ее любили все и считались с ее мнением.

Вскоре после истории с печатями директриса исчезла. Появился новый директор. Средних лет, в полувоенной форме. Ты ли военный в отставке, то ли чекист. Вместе с женой он поселился в пустовавшей квартире директора. Принял на работу двух воспитателей-мужчин. Мальчишки, почувствовав твердую руку, довольно быстро пришли в себя. В общем-то, в основном ребята были неплохие. Но их разгул, эта вольница, явились своего рода протестом на арест любимого директора. Считали это несправедливым.

Опять стало возможным ходить и питаться в столовой. К Октябрьским праздникам премировали отличников. Мне подарили куклу. Организовали поход в театр: двенадцать человек, в том числе и я, пошли смотреть спектакль «Ошибка инженера Кочина»*****, - там разоблачались враги-шпионы... Этим походом гордились: Ярославский театр имени Волкова был первым [по времени создания] театром в России. И детдомовцам льстило, что их земляк был таким выдающимся человеком. Специфика детдомовской психологии: отличников было 13, а билетов 12. Кого обидеть? Решили, что пойдут все. Я очень волновалась, как это - обманывать? Девчата же спокойно уверяли, что «проскочим и чужого места не займем». Так оно и получилось. Впечатление от посещения города и театра было сильным. Да и пьеса будоражила больное место в душе.

Понемногу я поправлялась. Только волосы у меня начали выпадать... И к моменту приезда за мной дяди Бори на голове у меня было три лысины. Я их прятала под остальные волосы, думала, что незаметно...

Позже, по приезде в Казань моя няня Настя повела меня в 3-ю баню. Мыла меня, гребнем вычесывала вшей и плакала... Потом мы с бабушкой Феклой Петровной, Иваном Васильевичем и Илюшей пошли в фотографию. Снялись. А оттуда – сразу в парикмахерскую (все это на улице Баумана) – волосы сняли, голову обрили наголо. И полгода брил меня дядя Боря, пока лысины не заросли. Я же ходила в марлевой косынке.

Ближе к моему отъезду жизнь в детдоме понемногу начала налаживаться. А 7-го декабря 1937 г. в день моего рождения в спальню летела Нюра М[арченко] с криком: «Галка, тебя отдают!» Почтальон принесла телеграмму на имя директора. Девочки перехватили ее, прочитали, потом передали по назначению. Боялись, что от меня скроют все...

В телеграмме было:

ВЫДАЙТЕ ВЕКСЛИН ГАЛИНУ НА ОПЕКУ ДЯДЕ ТАРАСОВУ БОРИСУ
ДМИТРИЕВИЧУ, ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ ПАСПОРТА ИЛИ ЛИЦУ ПО ЕГО
ДОВЕРЕННОСТИ. НАЧ АХЧ /подпись/.

Через много лет, путешествуя по «Золотому кольцу», я оказалась в Ярославле. В памяти все всколыхнулось. И не выдержав напряжения, на третий день я поехала искать детский дом. За прошедшие годы все изменилось, появился мост через Волгу. Я вышла на автобусную остановку и стала расспрашивать, как мне попасть к детдому. Не сразу, но нашелся человек, который пояснил мне, что детский дом теперь в другом месте. А в Тверицах, где раньше был д[етский] д[ом], теперь ПТУ, его общежитие. Я поехала, нашла. К зданию пристроено новое крыло. Вход – посередине. Я вошла... И узнала все: доски пола, перила лестницы, дверь нашей спальни, изолятор, где я лежала больная... Учительница истории мне показала комнату, где хранилась память о временах детского дома, фотографии. Я увидела фотографию казанских мальчиков, братьев Гимрановых. Из детдома они ушли на фронт и погибли. Мне рассказали, что их мать, освободившись, приехала в детдом, чтобы хоть что-то услышать о своих сынках... *****

Во время войны в этот детский дом привезли детей из блокадного Ленинграда. И они приезжают, вспоминают детдомовские времена. К великому сожалению, мне не удалось разыскать кого-то из девочек, бывших вместе с нами.

Мне очень грустно было писать о моем невеселом пребывании в этом детдоме. Но «из песни слова не выкинешь», что было – то было. Просто на мою долю достались темная полоса из истории д[етского] д[ома]. Для многих других детей он был единственным пристанищем.

Я всегда благодарностью старших девочек, взявших нас, «домашних», в свою спальню и опекавших нас. Без их заботы нам досталось бы много больше... Сами, не имевшие никого из близких, они с глубоким сочувствием относились к нам.

Благодарно вспоминаю воспитательницу по труду Юлию Петровну, кастеляншу Юлию Павловну, повариху тетю Клаву...

16 декабря 1937 года приехал дядя Боря вместе с выросшим, повзрослевшим и очень серьезным Илюшей... На следующий день, уже из Москвы, мы отправились в Казань. Все детдомовские вещи остались там, даже кукла...

Чтобы ничто не напоминало... А помнится – каждый день...

25 февраля 2001 года <Г.Б.Тарасова-Векслина>

(Машинопись с ручной правкой черными чернилами, 12 стр. Подпись – автограф. Архив публикатора)

* *Векслин Носон-Бер Залманович* (1897-1942), урож. г.Двинска Витебской губ. (ныне – Даугавпилс, Латвия), житель г.Казани, из семьи музыканта, еврей, член КП с 1920 г., имел двоих детей, проф., зам. наркома просвещения ТАССР. Арестован 26/27.01.1937 по делу "к-р троцкист. террор. организации, казан. филиал" из 9 чел. Приговорен 1.08.1937 ВКВС СССР по ст. 58-8, 58-11 и 58-14 к 10 годам л/св. и 5 годам поражения в правах. Умер 17.10.1942 в Норильлаге. Реабилитирован 28.07.56.

** См. выше примечание к краткой биографии Тарасовой-Векслиной В.Д.

*** Татарский коммунистический университет [партшкола]; с 1932 г. Тат. высшая коммунист. сельскохозяйственная школа (ТВСХКШ).

**** Пожар __ июля 1937 г. на казанских вещевых складах ПриВО.

***** Пригородное село, ныне поселок в составе г.Казани.

***** Казанский речной порт тогда находился на Дальнем Устье (реки Казанки).

***** *Афанасьев Анатолий Васильевич* (1902-1937), урож. д.Шарауты Ибресинского р-на ЧАССР (д.Покровский Воронежской губ.(?)), житель г.Казани, чуваш, обр.высшее, член

КП с 1923 г., партработник, преподаватель ТВСХКШ. Арестован 26.02.1937 по обвин. в АСА и участии в "к-р троцкист. организации". Приговорен 1.08.1937 ВКВС СССР к ВМН по ст.58-8, 58-10 ч.1, 58-11. Расстрелян 1.08.1937 в Москве. Реабилитирован ВКВС СССР 24.12.57. След.дело 2751 о «террор. группе В.Слепкова» на 9 чел. Жена: *Афанасьева Зоя Николаевна*, 1904 г.р., урож. с.Городищи Куйбышевской обл., жительница г.Казани, русская, б/п, обр. н/высшее, не судимая, студентка КГПИ. Арестована 21.08.1937 как ЧСИР. Осуждена ОСО НКВД СССР 4.10.1937 по ст.17-58-8, 58-12 на 7 лет ИТЛ. Отбывала в Нарыме и Томской женской тюрьме. ОСО НКВД СССР 28.02.1945 срок наказания снижен на 6 месяцев.

***** Санэпидемстанция.

***** Пьеса братьев Тур.

***** *Гимранова Галия Зияутдиновна*, 1901 г.р., урож. с.Максаш Тюлячинского р-на ТАССР, жительница г.Казани, татарка, имела 2 сыновей, педагог школы № 3. Арестована 20.08.1937 как "член семьи изменника родины". Осуждена ОСО НКВД СССР 4.10.1937 на 8 лет лишения свободы. Реабилитирована 11.09.56. *Гимранов Заки Закирович* (1898-1937), урож. д.Бизяки Бондюжского р-на ТАССР, житель г.Казани, татарин, член КП с 1918 г., обр.н/среднее, служащий, зав. отд. Тат.ОК ВКП(б), перед арестом – гл. редактор. науч.-тех. сектора Татгосиздата. Арестован 10.09.1936 как "участник к/р националистической террористической организации "Иттифак". Приговорен 3.08.1937 ВКВС СССР по ст. 58-8, 58-10 ч.1, 58-11 к ВМН. Расстрелян 3.08.1937 в г.Москве. Реабилитирован ВКВС СССР 8.10.57. *Братья Гимрановы: Рафаэль*, 15 лет (на 1937 г.) в детдоме гор. Ярославля-Тверицы Ярославской обл., *Араслан*, 13 лет (на 1937 г.) – в детдоме им. Луначарского в г.Любим Ярославской области.